

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://radischevalexander.ru/> приятного чтения!

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев

Не красна изба углами,
Но красна лишь пирогами.

Пословица

Громы, гряньте, потрясися
Ось земная в основаньи,
Время быстро, ты исчезни, –
Книга вечности разверзлась.
Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не дельфийская пифия,
Но я время зрю протекше.
Се явился предо мною
Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,
Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти мог устроить
Народ шаткий, легковерный.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал израильску народу.
И по истине, возмогший
Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,
Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит, и законы
Среди молний, среди грома
Он со неба получает.

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalexander.ru

Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятых дев небесных;
Ученик его столь храбрый
Воин был непобедимый.
Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
Меч, – и света половина
Пала пред его законом).
Се идет Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,
Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема,
Сокрушил их, в прах развеял,
Разорил храм Иеговы,
И повлек он иудеев
В плен, неволю, в преселенье.

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

Седяй гордо на престоле,
Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны
В честь ему и днем и ночью.
Но се мгла густая зверства
На верх гордый налетает.
Царь царей теряет разум.
Он стал скот, в лесах дремучих,
в блатах, дебрях ищет пищи...
Так надменности на троне
Писал суд предвечный в небе.
Троя, Тир, Сидон, Карфага,
Древни хины и индейцы
И неведомы народы
Шествуют, покрыты мглою
Неизвестности; но блещет
Во среде столетий мрака
Слава мудрых, яко в туче
Молния в сверканьи светлом.
Зри, воспетые Омиром,
Ахиллес, Парид иль Гектор...
Зри, во пурпурных хламидах
Жители Сидона, Тира,
Алчбой злата устремленны,
На крылах несутся ветра
Во страны дальнейши мира.
Зри, потомки их в Карфаге
Накопляют преизбытки
Остроумною торговлей.
Ганнибал, о вождь предивный...
Но зуб времени железный
Сокрушил их град и славу...

Се потомки мудрых брамов,
Узники злодеев наглых,
По чреде хранят священной
Свой закон в Езурведаме
Буквой древнего самскрита –
Древней славы их останка
И свидетеля их срама!!.
О Конфуций, о муж дивный,
Твое слово лучезарно
В среде страшной бури, браней,
На развалинах отчизны
Восседало всегда в блеске
И чрез целые столетья
Во парении высокоом
Возносилось и летало...
Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде
Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной
И на жертвеннике светлом
Огнь возжег, что пламенеет
Еще ныне в жертву богу.
Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.
Се Кир старший, учредитель
Царства древняя Персиды.
Но чему о нем мне верить:
Или повести правдивой,
Иль Рамзею в слоге красном?
Царь царей и царь великий,
Погибающий рукою
Томириды; отсеченна

Глава Кира всплывает
В крови; слышу, глас вещает:
«Пей, тиран, досыта крови,
Коей в жизни столь был жаждущ!»
Се Эллада в блеске солнца;
Там ирои в лучезарных
Подвигах, будто светила,
На крылах стремятся ветров
Похитить руно золотое.
Зри, Язон в стране волшебной
Превозмог в Колхиде страхи
Чарований и отравы,
И с руном он у Медеи
Сердце нежное похитил.
Зри, Алкид как сокрушает
Выи дерзких и строптивых;
Разве богу то возможно,
Что он силою десницы
Мог исполнить в жизни краткой.
Странственных он избавитель,
Предал смерти Бузирида;
Он дал в снедь коням, обыкшим
Поядать дымящи мяса
Потребленных чужестранцев,
Во Фракии Диомида;
Вепря злого в Эриманте
Обуздать мог вервью лютость;
Стрелой легкою пернатой
Он чудовищ тех пернатых,
Что в Стимфалии гнездились,
Сокрушил и предал смерти.
Не возмог никто противен
Быть ему на брани сильной.
В Лерне гидру он стоглаву

Поразил; в лесу Немейском
Льва ужасного исторгнул
Жизнь с дыханием мгновенно,
И во знак своей победы
Его кожу он космату
Возложил на тверды плечи.
Медяногу, златорогу,
легкую в бегу он серну
Мог настичь; и даже бога
В струях живша Архелоя
Он, во образе свирепа
Тельца сильна, он, поправши,
Рог исторг во знак победы.
Победитель он чудовищ,
Победитель он гигантов;
Сильна в мышцах он Анфия
Удушил в объятых крепких.
Перед ним кентавры дерзки
Как лист легкий возметались.
И те храбры жены древле,
Ненавистницы супругов,
Амазонки побежденны
И примером Ипполиты,
Своей красныя царицы,
Что Алкид Фисею отдал,
Научились жить с мужьями.
Он, пре дерзка Промифея,
Что с небес похитил пламя,
От злой казни избавляя,
Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси;
И, пришед к пределам мира,
Океан где облегают
Шар земной, он столп высокий

Силой крепкия десницы
Подал и вдруг раздвинул.
Две горы тут вознеслися,
Калпе, Абила, подножьем
Двух столпов, где начертанно
Сие дело баснословно,
Се предел, и море с шумом
Покатилось волнами
Во среду земель и весей.
Он, наполнив весь мир славой,
Нисшел в царствие Плутона
И, привратника тризевна,
Обуздал он пса Кервера.
Но, платя он долг природе,
Полубог, ирой, был слабый
Во объятиях Омфалы
Смертный; палицу иройску
Гнусной пряслицей соделал.
Но и в слабостях божествен,
Сын царя миров предвечна,
Десять он супруг имевши,
Был отец потомства славна,
Многочисленна; исполнил
Наконец чудесный подвиг,
Быв единою он ночью
Дев пятидесяти юных
Супруг нежный и в срок точно
Пятьдесят сынов родивши.
Подвигов двенадцать дивных
Совершил, себя прославив;
Быв ироем в жизни краткой,
Полубог он стал по смерти.
Но, склонясь от баснословных
Подвигов иройских в Грецьи,

Зри, живот как презирает
Кодр в спасение Афинам.
Он не злато, не гремушку
Мздой поставил дел иройских,
Но мечту, мечту любезну,
Образ отчества драгого;
В нем жить рай, но с ним разлука
Есть геенна, ад ужасный.
Кодр, сей мыслию исполнен
И предвестию поверя,
что потеря драгоценной
Вещи для Афин спасенье,
Счел, что драгоценней в мире
Вещи нет, как царь правдивый,
и, себя таким считая,
Смерть вкусил к спасенью царства.
Афиняне в знак почтенья
К подвигу толику славну
И считая невозможным
Заменить его на троне,
Имя царско истребили.
Признавая невозможность
Без законов быть правленью,
Афиняне восхотели,
Да Дракон, муж твердый, строгий,
Начертал бы им законы.
Но он каждо преступленье,
Маловажно иль велико,
Омывал афинян кровью.
Мало время поступали
По словам его кровавым, –
И Солон законы новы
Предписал тогда Афинам.
Страсти бурны обуздавши,

Он законы дал бессильны
Аттике замысловатой.
Зря законов власть погранну
Властолюбным Пизистратом,
Презрил град он и тирана,
Град оставил, удалился.
Но чему дивиться должно:
Иль законам его слабым,
Иль тому, что он направил
Народ шаткий, остроумный,
На стезю побед и славы,
На рожденье мужей дивных?
Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что, умом своим объявши
Всю народного связь тела,
Умел души всех устроить
К пользе общей и единой,
Подчиняя ум и сердце
Всех отечеству любезну.
О Ликург, твоим законом
Ты нагнувши выи горды,
Воспитанием спартанцев
Им отечество соделал
Всего выше и милее.
Времена настали страшны
Для свободы всей Эллады.
Как стада несметны вранов,
Так полки персидски строим
На Элладу налетели;
Но афиняне, спартане
Против их несчетных воев
Ставили мужей лишь славных.

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

Милтиад, спаситель Греции,
Победитель Марафонский,
Жизнь скончал в темнице срамной.
Леонид, царь Спарты смелый,
Иссосав любовь к отчизне
С млеком матери любезной,
Жизнь ему принес на жертву,
И с ним триста юнош храбрых
Дни скончали в Фермопилах.
Аристид се правосудный,
что себе начертавает
Суд изгнанья остракизмом;
Но он зависти знал жало,
Быв соперник Фемистокла.
Победитель славный персов
В Саламине зрит всех греков,
Стекшихся к играм в Олимпе,
Перед ним вдруг восстающих.
О, награда паче злата,
Паче всех венцов лавровых!
Но достоин был неложно
Сея чести тот, кто Грецию
Спас победой в Саламине:
Для спасения отчизны
Презрел он вождя надменна
И вознесшему жезл буйно,
Да ударит, отвечает:
«Поражай, но токмо слушай».
Се Перикл, кой умел хитро
Взять кормило во Афинах,
И народом, возлюбившим
Своевольность до безумья,
Он по воле своей правил.
Друг Фидия, изваявша

Образ дивной Афинеи,
Друг Аспазии любезной,
Что Сократ (иль добродетель
Воплощенна) в честь вменяет
За учителя имети
Себе славу Аспазию;
Он друг был Анаксагора,
Кой, сотряси предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной,
И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первый стал среди вселенной,
Он дерзнул ее началу
Дать вину несусеверну.
Алкивиад, муж любезный,
Богат, статен, умен, знатен,
Дарований он великих
И пороков преисполнен.
Добродетелен, но редко,
Разве следуя советам
Друга своего любезна
И учителя Сократа;
В страстях пылок, рдян и буйствен;
Облекаясь он, однако ж,
В виды, нравы, обычаи,
Кои нужны на то время,
Чтоб достичь желанной цели, –
Он злой дух и бич Эллады
Был и пал сраженной жертвой
Любочестья и разврата.
Но пройдем мы быстрым оком
Ту страну, страну предивну,
Где Ликурговы законы
Царствуют сильнее природы.

Там жена не знала страсти
Ко супругу нежну, разве
Он достоин был награды
За свою любовь ко Спарте.
Там мать в радости ликует,
Когда сын ее, сражаясь,
Жертвой пал при Фермопилах.
Ты познал то, о Павсаний,
Что любовь ко Спарте выше
В сердце родшей тебя в Спарте,
Нежели к тебе. Развратность
Твоих нравов она прежде
Всех других в тебе накажет.
Ты есть враг Лакедемона;
И се, зри, несет уж камень,
Чем во храм вход заградится,
Где предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.
Агесилай, воин мудрый,
Ты достоин еще древней
Славы отчества, погасшей
В роскоши, в развратных нравах.
О, сколь мил ты простотою,
Когда, чад своих забава,
Ты, конем жезл сотворивши,
Рыскал с ними на их пользу.
О Лизандер, о муж славный!
Воин мудрый, ты б достоин
Был отчества любезна,
Если б ты родился прежде.
Ты в делах твоих иройских
Не коварством бы вождаем,
Не предатель был бы хитрый,
Почитавший меч свой средством

Быть всегда со всеми правым.
Но разврат, пусть свой корень
Сердца в глубь лакедемонян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
Простоты и бескорыстья
Воспитанием суровым,
И когда рукою смелой
Юный Агий, взревновавший,
Восхотел к началу древню
Обратить спартански нравы,
То плачевною пал жертвой
Сребролюбия, разврата.
Дух величья, разливаясь
В концы дальние Эллады,
Возблистал вдруг между фивян;
Хоть Пиндár своей трубою
Во отечественном граде
Колебал тупые слухи,
Но, взгнездившись во Фивах,
Грубость их во всей Элладе
Отличалась пред другими.
И се два велики мужа,
Лаврами главы венчая,
Возмогли на вышу степень
Возвести свою отчизну.
Пелопид, мудрец и воин,
Муж великий, избавитель
Фив от ига, наложена
Гордой Спартою во счастье.
Но его блестяща слава
Уступала его другу
Эпаминонду, что первым

Цицерон назвал из греков,
Он про коего вещает:
Знал всех больше, а глаголал
Меньше всех. Он, высший в Фивах,
Нищ был, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Победитель пал сраженный,
И, чад вместо, он оставил
Только Левктры, Мантинею.
Се Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Эллады
Уловил и сделал прахом.
Учредитель стройна войска,
Устроением фаланги
Он кровавы приготовил
Узы тяжки полусвету.
О Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи;
Но кто может Демосфена
Наклонить велику душу?
Тебе тело и труп срамный
Демосфенов в корысть будет,
Но не дух его свободный.
Александр, употребляя
Себе в пользу то, что сделал
Филипп хитрый, Филипп мудрый,
Вихрь порывистый понесся,
В бурном духе урагана,
Сокрушая все преграды,
От смиренной Пеллы даже
До берегов счастливых Ганга.
Друга своего убийца,
Пал сражен болезнью в пьянстве.

Необъятные корысти
По его достались смерти
Вождем войск его надменным,
И солдаты Александра
Цари стали его смертью.
Хоть по смерти Александра
Воссиял дух древний паки
И союз ахеев видел
Возрождающую вольность,
Но то искра была слаба.
Ни Арат не мог восставить
Падшую Эллады вольность,
Ни ты, смертный, столь достойный
Нарещись последним греком,
Филопемен пал, и вольность,
В древней Греции сиявша,
Век потухла невозвратно.
Се сонм светлый мужей славных,
Се сенат, се народ римский,
Полк царей и их превыше,
Се властители народов.
Изыдите и предстаньте
Моим взорам обаянным!
Вы краса и удивленье
Человеческого рода,
Вы изящну добродетель
Вознесли на верх возможный;
Но вдруг впали в гнусность, мерзость
И затмили злобой, зверством
Все народы нам известны.
Ромул Риму основанье
Дал, устроив свое царство.
Нума нимфу Эгерию
Призывал давать законы

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalexander.ru

И единый против войска
Стал врагов своих строптивых.
До Тарквиния старались
Все цари пределы Рима
Расширять елико можно.
Но Тарквиний скиптр железный
Простер к буйному народу;
Смерть Лукреции воздвигла
На него беды ужасны:
Он был изгнан – и навеки.
Се Брут первый, обогранный
Кровью сына и тиранов,
Положил угольный камень
Зданью римския свободы.
Се Коклес, с мечом единый
Спасший Рим и его славу;
Жертва деций общей пользы,
Ищет смерти он ужасной.
Суеверною любовью
Ко отечеству пылая,
Курций в хлябь земну разверсту
Летит, жизни не жалея,
Для спасения народа.
Зри, се Сцевола, на жертву
Принося свою десницу,
В безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагает
На горящи ее угли.
Боль несносна не тревожит
Души твердой и незыбкой.
О Менений бескорыстный!
Пред тобой богатство, злато,
Как лист в осень, увядают,
Постыженны твоим взором.

Нищ ты был, седяй в сенате,
И по смерти не оставил,
Чем бы заступ мог наемный
Ископать тебе могилу.
Но граждане веледушны,
Чувствием сердец водимы,
Несут в место свое злато,
В честь твою взник столп надгробный!
Брозду тяжку прорывая
Силою волов яремных,
Цинцинат от шумна света
В селе малом обитает.
Но блестяща добродетель
Утаиться не возможет:
Возведен на высшу степень
Он в дни смутные средь Рима,
Своей твердостью и лаской
Рушшийся порядок строит;
Уже взводится в четверты
На первейшее он место;
Врагов Рима победивши,
Он нисходит в чин простого
Гражданина; и приемлет
Паки он свое орудье,
Чем взорется его нива.
Столь же ты велик, муж дивный,
Идя вслед сохе на ниве
И бичом скота яремна
Понуждая ко работе,
Велик столь же, как пред войском
В прах попрал ты врагов Рима.
О Камилий, о муж славный
Столь же дивен и единствен
Ты во счастья благоспешном,

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

Как в превратностях и в бедстве.

Изгнанный коварством хитрым

(Ах! бывало ль, или будет,

чтоб изящна добродетель

Не рождала зависть бледну

и была б не ненавистна

Злобну гнусному пороку),

Ты, к отечеству любовью

Рдея, строишь во изгнаныи

Помощь Риму во злосчастьи.

и се Бренн, вождь храбрый, смелый

Галлов диких и свирепых,

Победитель римских воев,

Всюду ужас простирает,

Он в бестрепетное сердце

Римлян страхи поселяет;

Но Рим в бедствах паче счастья

Был велик и тверд и дивен.

Его стены опустели;

Жены, старцы и младенцы

Лишь одни остались в граде

Зреть победу галлов лютых.

Но Камилл жив – и спасенны.

Лишь отсутствен он от Рима,

Паки бедства возродились,

И, наскучивши в осаде,

Римляне купить хотели

Мир у галлов весом злата.

Но Камилл внезапно входит

В град, поникший от печали;

Зрит поносное он злато

На весах, и коромысло

(Вес не полн) горé восходит.

Меч извлек и, в легку чашу

Возложивши: «Се, – вещает, –
Чем нам галлам платить должно,
А не златом сим поносным».
Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце римлян,
Рим свободен, побежденны
Галлы, – зри, что может слово;
Но се слово мужа тверда,
Как то древле слово жизни
Во творении явилось,
Было слово се Камилла.
Мужи славны, украшенья
Вы отечества во Риме;
Вы, к нему любовью рдея,
Всё на жертву приносили,
Самую забыв природу.
Манлий сына осуждает
Вкусить смерть, да подчиненность
В войске будет сохраненна;
Деций, видя робость в войске,
Дав себя в обет подземным
Богам, ринулся с размаху
Во врагов, – погиб, но славно,
Бодрость в души влиял римлян
И доставил им победу.
Се твой сын, тебя достойный,
Уподобясь тебе в славе,
То ж творит и погибает.
Се и вы предстали взорам,
О презрители богатства.
О ты, Курий! что вещавший
Ко самнитам, приносящим
Злато: «Лучше я желаю
Повелитель быть над теми,

Кто имеет много злата,
Нежели иметь сам злато».
Ах! возможно ль его блеском
Льстить того, кого, пришедши
На прошение, посланцы
Целого народа видят
На деревянном блюде яствы
Поядающа. – Явился
Муж, презритель сребра, злата,
Добродетельный Фабриций;
Удивленье врагов Рима,
Ты достойный был воссести
И в том граде и в том сонме,
Где Киней, дивяся, мудрый:
«Рим, – вещает, – есть храм божий,
А сенат – царей собрание».
Пирр, со златом посрамленный,
Не возмогши добродетель
Повредить твою, рек тако:
«Нет, удобнее возможно
Совратить с теченья солнце,
Нежели со стези правды,
Добродетели и чести
Совратить тебя, Фабриций».
Кто сей зрится весь покрытый
Ранами, муж строга вида?..
Регул, зная пытки, муки,
Что его ждут во Карфаге:
«Вам война, не мир довлеет,
О сенат, о народ римский!» –
И кровавая пал жертва
Он совета сего мудра.
Но возник тебе на гибель
Ганнибал, сей муж предивный,

Коим Рим едва не свержен
Во полете своей славы,
Если б зависть не претила
Во парении ирою.
Фабий медленностью мудрой
Если б бег твой не умерил,
То, поверженный во прахе,
Во развалинах дымился б
Рим, глава земного круга;
Там бы зрелися потомки
Тех мужей, достойных неба,
В поругании злосрамном;
На том месте, где венчались
Славою их предки дивны,
Не воссели б в славе, в блеске
На престоле всего мира.
Ганнибал, ирой премудрый,
Что тебе противустанет?
Коль природа не возможет
Во походе твоём дивном
Положить тебе преграды,
Воздвигая верхи льдяны
Выше облак, грома, молний;
Коль струя шумящей Роны,
Эридан или потоки,
Звонкошумно ниц звенящи
С верхних Альп на камни строги,
Заградить твой путь не могут,
То Требия, Тразимена
Суть лишь следствия неложны
Твоих мудрых начертаний.
Но се Фабий, скала тверда,
Где твое стремленье буйно
Заградилось и препято.

Ах! тобою Рим спасенный
Чуть не зрел свою погибель
В Каннах, как Варрон надменный,
Сей клевет безумный Павла,
Падшего в спасенье Рима
С воинами, что умели
Жизнь скончати за отчизну, –
Безрассудный вождь, возмнивший
Состязаться с Ганнибалом.
Уж молва трубою громкой
Возвещает гибель Рима;
Но напасть его спасенье
Устраивает среди развалин;
Он воздвиг свой верх ужасный
Бедства край, всех восторгало
Мужество вновь возродилось;
Рим спасен, и что возможет
Ганнибал един пред Римом?
Его счастье отлетело
Перед юным Сципионом.
Победитель Ганнибала
Видел зависть, видел злобу,
Устремленную на славу
Его подвигов великих;
Обвинен перед народом,
Добродетельный муж, твердый,
Над врагами Рима скажет
Свои славные победы,
И, клевет всех в посрамленье:
«Народ римский! – он воскликнет. –
В сей, в сей день блаженный, с вами
Победил я Ганнибала;
Отдадим хвалу всевышним», –
И, се паки торжествуя,

Всем народом провожаем,
В Капитолию он восходит,
Оставляя площадь римску
С клеветой, в стыде шипящей.
Славы, имени преемник
Сципионов, разрушитель
Состязательницы Рима...
Ах! се ль слава, се ль иройство? –
Разрушать единым мигом,
Что столетия создали!
Вопль и крик и скрежетанье
Умиравших булатом
Победителя во гневе...
Пламя, всюду разлианно,
Как река, сломив оплоты...
Плод изящности – в обломках...
Разума твореньи – в щепках...
И грабеж, насильство, наглость,
Все неистовства, все зверства, –
Со бесчувственностью стали
Слышать визг и корчи смерти –
Се иройство, слава! – можно ль
Сердцу, чувствовать обыкшу,
И уму, судить умевшу,
Поступить на таковая?
Нет, рассудок претит мыслить,
Что Эмилия сын славный,
Лелья друг, и друг Полибья,
И любитель муз Эллады,
Мог решить погибель зверску
Пышной, гордая Карфаги.
Нет, веленье се неисто
Властолюбия сурова,
Ненасытна духа власти,

Духа сильна, Рим воздвигша,
Из устен что излетело
Древня строгого Катона:
«Да разрушится Карфага!»
Но ты паки разрушитель,
Ты Нуманции несчастной.
Иль припев, или прозвание
Над тобой толико сильны,
Что ты сладость ощущаешь
Разрушителем быть только?
Но, алкая сильной власти
Ты диктатора, стал жертвой
Властолюбья непомерна.
И се в Риме, удивленном
Своей властью и богатством,
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.
Асия, Коринф и греки
Повергают свои выи
Во ярем народа римска.
Но во мзду рабства сим мира
Повелителям надменным
С золотом, с серебром, с богатством
Изрыгают в Рим все страсти,
Что затмят в нем добродетель
И созиждут ему гибель.
Грахи, Грахи, украшенья
Матери своя мудрой,
Вы напрасно восхотели
Возродить в превратном Риме
Нравы древни и равенство.
Добродетель не защита
Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы достойны

Упадающей свободы.

Се возник тот муж суровый,
Ненавистник рода знатна,
Ненавистник наук, знаний,
Храбр, и мужествен, и дерзок,
Вождь великий, воин смелый
И спаситель Рима, Марий;
Горд, суров, алкая власти,
Все пути к ее снисканью
Были благи; но изгнанный
И в побеге, утопая
Близ Минтурны в блате жидком,
Он вещает ко несущу
К нему смерть наемну войну:
«Се, я Марий, коль дерзаешь!»
Но сей взор велика духа,
И велика среди бедствий,
Заградил взнесенно жало,
И в убийце своем Марий
Обретает себе друга;
«Странник бедствен, укрываясь,
Конец жизни нося тяжелой,
Зри картину счастья шатка;
Зри величественный образ
Мария победоносна,
Марья первого во Риме
Здесь сидящего (вещает)
На развалинах Карфаги!
О стяжатель власти, чести,
Зри там Марья – содрогнися».
Колесо, всегда вертящесь,
Превратилося фортуны,
Марий паки в Капитольи;
Сердце, бедством изъязвленно,

Стало жестче стали крепкой,
И суровый сей велитель
Рим исполнил смерти, казни.
День румяный воссиявший
Освещал потоки дымны
Восструившейся по стогнам
Крови римской, – и свершался,
Зря в мерцаньи кровь и гибель.
Но сей варвар ненасытный
Трепетал, вспомя Суллу.
Чтоб забыть тот страх, опасность,
Он предался гнусу пьянству
И в хмелю скончал жизнь срамну.
Се совместник Марьев, Сулла,
Се мучитель с сердцем нежным,
Се счастливым нареченный,
Рода знатна и украшен
Дарованьями различны;
Ум словесностью устроен,
В обхожденьи мил и гибок,
Но снедаем алчбой славы
И снедаем властолюбьем;
Храбр, деятелен, вождь мудрый,
Победитель Мифридата.
Мифридат, ирой, царь славный,
О пример ты зыбка счастья!
Враг он римлян, ненавистник
Сих тягчателей народов;
С юных лет он чует славу
Противстать струе сей, рвущей
Все оплоты; бодрый разум,
Возвышенны чувства сердца,
Крепость духа, храбрость, смелость,
Мужество, в трудах возросше,

Закаленное во славе,
Он дал бег душе отважной,
Властолюбия алкавшей,
На великая возмогшей.
Победитель он Азии,
Победитель он Эллады,
Уступить был принужденный
Счастью Рима, счастьем Суллы.
Но иссунул меч кровавый
Паки на погибель Рима,
Тридцать лет сопротивлялся
Он грабителям вселенной,
Римлянам: но в тяжки лета,
Зря восставшего Фарнаса,
Сына, наущенна Римом,
Он мечом свою жизнь славну
Ненадежную исторгнул,
Не возмогши ее кончить
Жалом острым яда сильна:
Зане жизнь его, в смятеньи
Провождается, успела
Притупить всю едкость яда.
Мифридата победивши,
Испровергнувши Афины,
Победивши всех ахеев,
Всех союзников и римлян,
Сулла меч свой, обагренный
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.
Заградив на жалость сердце,
Хладнокровный был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима

Его были услажденье.
Нет, ничто не уравнился
Ему в люлости толикой,
Робеспьер дней наших разве.
Ах, во дни сии ужасны,
Где отец сыновней крови,
Где сыны отцовой жаждут,
Господу где раб предатель,
Средь разврата нагла нравов
Может разве самодержец,
Властию венчан всесильной,
Дать устройство, мир – неволи, –
Пусть неволи, но отдохнет
Человечество от тяжких
Ран. Стал Сулла всевелитель,
Учредил благоустройство
Во мятежном сердце Рима.
И се муж, кровей столь жаждущ,
Погубитель граждан, войнов,
Грады, селы испровергший,
Наносивший смертны раны
Во сердцах семейств толиких,
Возгнушался своей властью
И дерзнул сойти с престола.
Он конец своєю жизни
Провел мирно и в утехах
Сладострастья, неги, хмеля.
О властители народов!..
Или паче, сердца смертных
О загадка, нерешима
Ниже Сфинксу! Будто только
Всевластителю угодно
Было кровию упиться
И возлечь на ложе мирно,

Среди Вакха, мусс и Лелы.
Истина непостижима,
Но то истина, что может
Во душе, к любленье нежной
При вождении рассудка,
Привитать и люто зверство.
Где ты, Рим, где ты, отчизна
Простоты, смиренья, чести!
Добродетели опоры,
Потрясенные страстями,
Утопилися в ассийской
Роскоши; но се явленье,
Удивления достойно
Всех веков, всея вселенной:
Муж богатства неисчетна,
Пышностию превзошедший,
Роскошью и велелепьем
Всех царей роскошна Востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презренья явна
Добродетели, законов,
Возмужался, явил свету
Сердце чистое и разум,
Всею изящностью украшен.
Воин храбрый и вождь мудрый,
Гражданин среди разврата;
Ненавистник ухищрений,
Скопов, козней, заговоров;
Не алкая властолюбьем,
Победитель Мифридата
Торжеством шел в Капитольи.
Сердце, руки непорочны,
Судия всегда правдивый,
Истина из уст нельстивых

Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сын, отец и брат он нежный,
Господь щедрый, друг несчастных,
Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль не дерзок, иль почтил он
Мир, покой средь мусс и неги.
Марий, проложив кровавый
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовать в Риме;
Рим, владыко всех народов,
Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду
Под ярем насильства склонишь.
Если муж продерзкий, буйный,
Вихрь неистовый страстями,
Смелый ум, отважно сердце,
Сластолюбец, злодей гнусный..
(Зри, ступил, ушел и, в бегстве
Вырвавшись, мечом дерзает...
Но, сражен, он, озираясь,
Грозит взором и скрежещет
Во отмщение зубами) –
Если вольность Катилина
Не возможет испровергнуть,
То, спасенный Цицероном,
В мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбец, не терпевший
Себе равного во Риме,
Жажду царствия прикрывши

Добродетельной личиной,
Он умеренности видом
Привлекал сердца и души;
Торжества исторгши почести,
Еще юн, не хотел больше,
Чтоб его затмил кто в Риме:
Победитель и во власти
В Рим вступает гражданином,
Но он хитростью то будет,
Чего силой не желает.
Его честь и добродетель
На лице токмо сияли,
Но душа была бесстыдна.
Расширитель он пределов
Рима Ассию до сердца,
Он неистово гордился,
Презрил Юлия, вещая:
«Я воздвигну легионы,
Ударяя ногой в землю».
Во Фарсальских он долинах
Испытал превратность счастья,
И предательной десницы
Стал он жертвою плачевной.
Тако зданье, соруженно
Хитростью и расточеньем,
Властию, умом, стрясетя
И падет единым махом,
Коль найдет во преткновенье
Буйнее себя и дерзче.
Се возник тот муж предивный,
Удивленье веков поздних,
В юности распутен, жаждущ
Лишь веселья и утех,
Дорогими ароматы

Нося кудри умощенны
И рача лишь о наряде, –
Сей вознесся, да преломит
Твердый щит свободы Рима,
Но в котором еще Сулла
Марьев многих прорицает.
Юлий встал – и всё поникло.
Ах! что может стать противу,
Когда Юлий в селе малом
Первым быть желает лучше,
Нежели вторым во Риме?
Алчба власти необъятна,
Совождается рассудком
Твердым, быстрым, и глубокий
Ум блестящий, и украшен
Всею учености цветами.
Слово нежно и приятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убеждать равно удобно
Душу, сердце жены, война.
Предприимчив, смел, отважен,
Жив, деятелен; чудесны
Он намеренья родивши,
Исполнял их устремленно;
Храбр и мужествен в сраженьи,
Мудр, разумен он в советах,
Милосерд, прощать обиды
Он готов всегда злодеям.
Как возможно, чтобы вольность
Устоять могла, шатнувшись,
Против Юлья? Муж чудесный,
Он все качества изящны
Ссредоточил, недостатка
Ни едина не имевши,

Но пороков тьму; рожденный
К управленью, где бы ни был,
Победитель был бы тамо,
Где б случилось вождать войско.
Вольности умыслив гибель,
В достиженьи сея цели
Бдетелен был, трезв, незыблен,
Всегда к брани он готовый,
Рукой дерзкой и обильной
Рассыпал несчетно злато,
Покупал наемны души
И клеветов своих бранных
Делал Крезами, коль нужно.
Путь направля ко престолу,
Преткновений став превыше,
Он себе позволил всё – и,
Свято было ль что, не ведал.
Так, Помпея победивши,
Изливал щедроты всюду
И явился царь премудрый.
Но, или неосторожно,
Или гордостью своею
Оскорбив любящих вольность,
Сей вождь славный, муж великий
Пал, сражен друзей рукою,
Пал, ненужная ты жертва
Сокрушенныя свободы.
И – неслыханное чудо! –
Тиран мертв, но где свобода?
Во служение поникший
Рима дух парить не может.
А ты, муж красноречивый,
Цицерон, прияв кормило,
Не возмог ты Римом править.

Ах, Катон, почто исторгнул
Жизнь свою ты столь некстате?
Ты бы участь зыбку Рима
Укрепить мог духом твердым.
Стань, сравнись со Цицероном:
Монтескье о вас да судит.
Цицерон – муж качеств дивных,
Но вторым быть, а не первым
Был удобен: ум прекрасный,
Но душа нередко низка.
В Цицероне добродетель
Есть побочность, а в Катоне
Она верх, подпора ж славы.
На себя всегда взор первый
Витий славный обращает,
А Катон себя не видит;
Рим спасти Катон желает,
Зане любит он свободу,
А муж слова сладка хочет
Рим спасти из чванства разве;
И сей муж неосторожный
И тщеславный, ненавидя
Марк Антония, восставил
Юлия в Октавиане.
Но, обманутый младенцем
Почти, пал, опасна жертва
Кровожадных триумвиров.
Тут воскрес, восстал от гроба
Ненасытец граждан крови,
Сулла: меч носился в Риме,
Пожиная всех, кто нѣмил
Иль опасен триумвирам.
Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.

Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
Только слава им осталась
Римляне последни зваться.
Потом, Марка победивши
Октавьян в Акцьи, трусливый,
Царь он стал огромна Рима.
И так сей злодей неистый,
Без законов и без правил,
Хитр, бесстыден, подл и алчен,
Благодарности чужд сердцем,
Сластолюбец и бездельник,
Кровожаждущ, но с насмешкой,
Воевода трус и робкий,
Но возлюбленный вóинством,
Рим исполнивши насильства,
Грабежа, бесстыдства, крови
И насытившись надменно
Сладострастием позорным,
Стал превыше он всех в Риме.
Он, в любовь к народу вкравшись,
Льстя его свободы видом
(Ах, достоин ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлеба, хлеба, игр на цирке?),
Основал престол железный,
Где воссядет злодеянье
И с ним гнусные пороки.
Тако хитрый сей мучитель,
Безмятежным правя царством
Долго, был и щедр и кроток
И, кончину видя близку,
С твердостью вещал стоящим:

«Се конец игры, плещите!»
Но потомство не обманешь,
О неистовый счастливец!
Блеском своя держава
Одолжен ты Меценату,
Или Ливьи, иль Агриппе,
Иль льстецам твоим наемным,
Иль Горацью, иль Марону.
О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев?
Как струя, в своем стремленьи
Препинаема оплотом,
Роет тихо в основаньи
Связь подножья его крепка,
Но подрыв и отняв силу
У претяжия плотины,
Ломит махом все преграды
И, разлившись с буйным ливом
По лугам, долинам, нивам,
Жатвы где блюлись и злаки,
Всё покрыла волной мутной, –
Так при Августе власть высша
Подрывала столб свободы,
Что Тиверий сринул махом.
Тиран мрачный, он подернул
Покрывалом тяжким скорби
Рим; тогда не злодеянье
В злодеяние вменялось,
Но злодей – кого Тиверий
Ненавидел или думал,

Что опасен он быть может.
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак иль мысли –
Все могло быть преступленьем.
Там донос, ночное жало,
В бритву ядом изощренно,
Носят нагло днем во Риме.
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
Чужды стали и опасны.
Оком рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнам
И с улыбкою змеиной
То чело знаменовала,
Что падет при восходе солнца
Иль увянет при закате.
Ах, исчезли те сердечны
Излиянья меж друзьями,
Что всю сладость составляли
Бесед тихих, но свободных,
Со пиршеств непринужденно
Отлетело уж веселье,
Скрыв чело блестяще, ало
Под покров густой печали;
И доверенность в семействах,
И в рабах, хоть редка, верность
Искаженны превратились
В недоверчивость, подобну
Стражу люту, что отъемерет
У несчастных услажденье
В бедстве томном – сон и слово.
Дружба там почлась не лучше
Скалы скрытой и подводной,

Где корабль при дуновеньи
Тихого зефира будет
В корысть Сцилле иль Харибде.
Откровенность и вид правды
Поставлялися безумьем.
И сама, ах! добродетель
Почиталася личиной,
Но опасной для тирана,
Зане вид ее любезный
Мог исторгнуть бы из груди
Воздыханье о блаженстве
Времен прежних и родилась
Мысль, что Рим мог быть иначе.
Так вещает муж бессмертный
Монтескье, что нет тиранства
Злей, лютей, когда ходяет
Под благой сенью законов
И прикрытое шарами
Правосудия; подобно,
Как бы жалость всю презревши,
Отымать спасавшу доску
Претерпевших сокрушенье
Корабля, да гибнут в бездне.
Се лишь слабая картина
Царствия Тиверья мрачна.
Сей тиран согбенна Рима,
Возгнушавшись его лестью
Иль боясь, чтоб не воздвигло
В нем отчаянье десницу
На карание правдиво
Всех его мучительств темных,
Отдалился во Капрею,
Где, когортами страгомый,
Сластям гнусным предавался,

Коих образ даже срамный
Иль одно напоминанье
Омерзенье возбуждают.
Тамо отроков во сонме
Наслаждался он утехой,
Новы сласти вымышляя
И названия им новы;
Там, откуда его смрачны
Слуги, рыская повсюду,
Новых жертв всегда искали
Его мерзку любострастью;
Отрок нежный, возвращенный
В целомудрии, в смиреньи,
Исторгался из объятий
Отца, матери иль брата.
Ах, почто, почто и память
Сих всех гнусностей позорных
Едко время пощадило!
Время, в царствии драгое,
Истощая в сих утехах,
Исполненье своей власти
Злой тиран отдал Сеяну.
Сей, орудье его зверства,
Шел во власти и в тиранстве
Наравне с каприйским богом.
Погубив его семейство,
Он уж смелую десницу
На трепещуща тирана
К поражению возносит, –
Но сам пал, и тиран лютей
Злей, лютее стал, дотоле,
Что, несчастный, избегая
Не кончины неизбежной,
Но терзаний, муки, пытки,

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

Жизнь заранее преторгши,
Извлекал из уст тирана
Слово зверское: «Он спасся».
Сам Тиверий смертью лютой
Жизнь скончал свою поносну.
Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высокоу вью,
То что нўжды, кто им правит?
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль, – на мгновенье,
А потом он, усугубя
Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Кай Калигула таков был:
Милосерд, но лишь вначале;
Он был щедр – разве в тиранстве.
Юнош тихий и покорный
Был, доколе высшей власти
Не имел в своей деснице;
Потом тигр всех паче лютей.
И достойно назывался
Рабом лучшим во всем Риме,
Господином злей всех паче.
Он, лаская толпе черной,
На безумные издержки
Истоцил несчетно злато.
И се светлое начало

Пременилось скоро, скоро.
Сверженно всё и попорно
С наглостью; досель невинный,
Нравы, разум и законы,
Человечество и честность
Подавив пятою тяжкой,
Кай омылся в кровях Рима;
Он, мучитель до безумства,
Сожалел о том лишь только,
Что народ, народ весь римский
Не одну главу имеет,
Да, сраженна одним махом,
Ниспадет ему в утеху.
Пьян, величием надменен,
Он царей всех чтит рабами,
Храм создал себе, как богу,
И велел обильны жертвы
Приносить себе, как Зевсу.
Блестел молнией, метал громы.
Удивиться тому должно,
Как мог Рим повиноваться
Дурака сего неиста
Бешенству толико яру;
Любодейца со сестрами,
Нагл, насилен и бесстыдно
Осрамлял супружне ложе.
Лишь стыдился, что Агриппа
Его дед был, и вещает:
«Мать мою родивша Юля
Зачала в объятых отчих
Бога Августа». – Безумный!
Нет, лишь смех ты возбуждаешь.
Но чему дивимся боле:
Иль надменности безумной,

Или зверству его яру?
Глад, иль мор, или пожары,
Или бедствия народны
Ему были услажденьем.
Но дотоль он презрил римлян
Или был безумен столько,
Что коня в своих чертогах
Угощал, как мужа славна.
Он нарек его первейшим
Во священниках и мыслил
Нареши его в сенате
Консулом. – Но полно, полно,
Замолчим... Он жизнь столь гнусну
Острием скончал Херея.
Ах! пребудет удивленьем
Во все веки, во все роды...
Как Рим гордый возмужавший,
Жив столетия во бранях
Непрестанных, источая
Кровь граждан и кровь противных,
Истребляя иль присвоя
Царствия, народы, веси,
Явив свету мужей дивных
В добродетелях, в иройстве,
Совершивши дел толико
И великих и блестящих,
Быв толико мудр в правленьи,
Мудр во бранях и в победах
Мужествен, тверд, постоянен,
Во опасностях незыблем;
И поставив от начала
Присвоение вселенной,
И намеренье блестяще
Столь умыслив остроумно,

Столь исполнив постоянно
И окончив столь счастливо...
Но на что ж?.. Дабы злодеев,
Извергов, чудовищ пять-шесть
Наслаждалися всем буйно...
Иль се жребий есть всеобщий,
Чтоб возвышенная сила,
Власть, могущество, блеск славы
Упадали, были гнусны?
И рачащие о власти
Для того ее лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?
Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.
Сенат римский, гордый, смелый,
Сонм князей, владык державных,
Пресмыкается и гнусен...
О властители вселенной,
О цари, цари правдивы!
Власть, вам данная от неба,
Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,
Суть бичи небес во гневе,
И их память пренесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!
Кай сражен, сражен Хереем,
Что возмнил восставить паки
Истукан свободы в Риме.
И се, крояся во страхе

В углу дальном царска дома,
Клавдий обретен трепещущ.
«Буди царь!» – вещают войны.
О Рим, Рим! кто царь твой ныне?
Старец дряхлый, но младенец
Он умом: ум слабый, глупый;
Человек едва ль, зародыш,
По названью его родшей.
Мягкосерд, но что в том пользы?
Раб жены поносной, срамной,
Стряшей стыд, раб Мессалины,
Коей имя ввек позорно
Нарицанием осталось
Жен презрительных, бесстудных.
Он, игралищем став гнусным
Отпущенников, злодеев,
Иль Нарцисса, иль Палладья,
Омывался в крови римлян.
В Риме тот был жив, здрав, знатен,
Кто их друг был иль наемник.
Кто с глупейшим из тиранов,
С Клавдием сравниться может?
Недовольная, упившись
Мессалина сласти гнусной,
Пред очами она Клавдья
Во супружество вступает
Со возлюбленным ей Сильем.
Но что пользы в том, что смерти
Предаст Нарцисс Мессалину?
Клавдий слышал и трепещет:
«Я ль еще владыка Рима?»
Се вопрос тирана слаба.
Се жена распутна паки
Воцарилась Агриппина;

Но, боясь конца насильна,
Ко Локусте прибегает, –
И отравы отомщает
Падший Рим кончиной Клавдья.
Ах, погибли пораженны
Все останки умов твердых.
Зри, жена иройска духа
Осужденному к злой смерти
Милому рекла супругу,
Да рукою своей твердой
Предварит он казнь поносну,
Но Пет медлит и робеет.
И се Ария сталь остру
В грудь свою вонзает смело:
«Приими, мой Пет любезный,
Нет, не больно...» Пет, мужаясь,
Грудь пронзил и пал с супругой.
Но се тот уж воцарился,
Коего счастливую юность
Управлял Сенека, Буррий;
Но который, сняв личину,
Каждый день своей жизни
Или каждый шаг свой зверский
Начертал убивством лютым;
Тот, чье имя ввек осталось
Всех поноснее и гнусней
В нарицание тиранам,
Имя Нерон, зверь венчанный.
Во неистовых утехах
Провождая дни и ночи,
Он в позорищах являлся
Иль возницей, или гистрий
В посмеянье был народу,
Но палач он, всем грозящий.

Он убийственную руку
Простирал на всех ближайших:
Мать, наставники, супруга –
Всё сраженно упало
Под мечом сего тирана,
Столь мертвить людей умевша;
Насыщался ежедневно
Или сластию прегнусной,
Или кровью умовенный,
Его Рим зрел посягавша
Во жены Пифагораса,
И среди затей безумных,
В кровях плавая гражданских
И в хмелю утех неистых,
Он возмнил себе представить
Пожар, гибель древней Трои,
И для сей утехи злобной
Велел Рим возжечь отвсюду...
Се довольно, мы скончаем
Сию повесть, где лишь видно
Иль неистовство, иль зверство.
Убоясь попасть в руки
Своей страже вероломной
Иль сената, погибает
Смертью, красной для тирана:
Он мечом сам грудь пронзает, –
И погиб, последня отрасль
Дому Юлия велика.
Гальба, Отон и Вителлий,
Появившись на престоле,
Смертию своей поносной
Уступили Веспасьяну,
Избранному в цари войском,
Трон, омытый своей кровью.

Некогда ласкатель гнусный
Он Нарцисса и Нерона,
Веспасьян явил на троне
Добродетель: и Рим гибший
Отдохнул – хоть ненадолго.
Далек пышности и спеси
И трудясь во управленьи,
Воздвигал погибше царство,
Где чредою скиптр держали
Злы тираны, равно гнусны,
Равно злобны, или глупы,
Или бешены, иль паче
Расточительны безумно.
Услажденье рода смертных,
Тит, почто прешел ты скоро?
Или для того, чтоб знали,
Что считал ты свое царство
Излиянным только благом,
Нарицая днем погибшим,
Когда счастья не мог сделать
Никому? Но век твой красен
Жизнью Плиния Старейша...
Заклученный в недрах утлых
Огнь в Везувии, яряся,
Всклокотал и хлябь разинул,
Разорвав ее холм высший.
Огнь, камня, дым и пепел –
Всё летит превыше облак,
Затмевая день и солнце.
Там рекой струится лава,
И всё гибнет, вся окрестность
Погребенною сокрыта
В пепле жарком и ниспадшем.
Геркуланум и Помпея

Низошли совсем в могилу;
Бедство, смерть, опустошенье
Распростерлися далеко.
Тут, вождаемый алчбою
Сведения и науки,
Погибает Старший Плиний.
Но ты царствуешь, о сладость
Римского народа! – Тит, зри,
Как течет ко всем на помощь:
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует уж Титом.
Но, скончав свою жизнь кратку,
Тит престол оставил Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домитьян, тиран сей новый,
Он тиранов всех предшедших
Злее был и не смягчался
Николи в своей он злобе,
Зане робок был, застенчив.
И столь гнусно было время, –
Тацит тако возвещает, –
Ниже молвить, ниже слышать;
Рим стал нем, пропало слово,
И погибла б даже память,
Если б можно было смертным
Терять память во молчаньи.
Но мучитель робкий слова,
Всех в стенанье приводивший,
Пал супруги наущеньем.
Но и дни сии столь гнусны
Красились, имея мужа,
Жить родившагось достойным
В лучших днях Афин и Спарты.
Се Агрикола с тобою,

Домитиан, жил на то лишь,
чтоб ты паче посрамленный
Пред потомками явился;
Зане истинно и верно,
Если сонмы людей славных
Могут красить дни счастливы
Царя мудра или щедра,
То один лишь муж великий,
В дни родившийся тирана,
Его паче лишь унизит
Ярым блеском своей славы.
Тогда паки воссияло
Солнце теплое для Рима:
По чреде там зрели мудрость,
Славу, мужество во власти
И венчанну добродетель.
Нерва, избранный на царство,
Был правитель мудр, но слабый
И согбен лет тяготою;
Но он дал себе опору
И устроил счастье Рима,
В сыны взяв себе Траяна.
Его смерть была бы в Риме
Бедствие, когда б не знали,
что Траян его преемник.
Ожил Рим с царем толиким;
Судия и воин мудрый,
Он имел, что было нужно
Быть царем. Алкая славы,
Он свой меч победоносный
В Дакию простер; воздвигнул
На Дунае мост тот славный,
Удивлявший столько древних;
И оружия славой, блеском

Ослеплен, понесся в дальню
Покорение народов.
Но хотя излишня слава
Победительные лавры
Затмевает, хотя жертвы
Сладострастия неиста
И возлития обильны
Хмельну Вакху прикрывают
Черной тению картину
Подвигов, равно блестящих,
Царя в брани или в мире, –
Вопреки злоречья колка
Навсегда Траян пребудет
Пример светлый всем владыкам.
И тому дивися больше,
Что он, разума не красив
Благолепными цветами
Иль познаний, иль науки,
Мог царем он быть столь мудрым.
В том как можно усумниться,
Когда дни его златые
Зрели Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.
Когда Тацит, сей достойный
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
«Век счастливый наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
И вещать, что ты помыслишь».
Ах, сколь трудно, восседая
Выше всех и не имея
Никаких препон в желаньях,
Усидеть на пышном троне
Без похмелья и без чаду.

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

И тот царь почтен достойно,
Ускользнуть когда возможен
Обуяния неиста
Страстей буйных души смертных.
Адриан, на трон вступивший,
Строил счастье в римском царстве,
И хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки.
Гнусной страстью к Антиною
Тлея, в честь ему он строил
Храмы, грады; но всю гнусность
Страсти срамной и пороков
Он прикрыл раченьем к царству,
Путешествием всегдашним
В областях пространных Рима.
Не пустое любопытство
В страны дальны направляло
Его путь, но цель всегдашня
Путешествий столько дальных
Была польза и блаженство
Градов, областей, народа.
Устремляя взоры быстры
В управление подвластных,
Мститель был законов строгий
В лице всех, дерзнувших данну
Власть свою во зло направить.
Велелепные и пышны
Грады, зданья он воздвигнул,
Но не с тягостью народа,
Зане многие налоги
Облегчал и уничтожил.
Хоть достойный сей царь Рима,

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalexander.ru

Злой болезнью одержимый,
Жизнь свою прервать не могли,
Обратил свою всю лютость
На казнь, может быть не нужну,
Многих; но ему простили
Всё за то, что себе избрал
Он в преемники на царство
Антонина. Хотя помним
Слово мудра Фаворина,
Состязавшась с Адрианом:
«Нет, кто тридцать легионов, –
Так мудрец друзьям вещает, –
Может двигнуть одним словом,
Ошибаться тот не может».
Но его дни безмятежны
Взрастили Арриана
И учителя во нравах
Строга, мудра Эпиктита.
Испытав превратность счастья,
Он всю мудрость заключает
В двух словах: «Сноси с терпением,
Будь умерен в наслажденьи», –
Словеса много блаженны,
От источника исшедши,
Кажется, излишне строга,
Но соделавшие счастье
Рима, дав ему на царство
Всех владык его изящных.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
Возникала в человеке,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Веков дальных и потомства,

Мысль изящную Зенона.
И хотя б другой заслуги
Мудрование столь чудно
Не имело, – не оно ли
Риму в счастье даровало
Антонина, Марк Аврелья?
Дни блаженные для Рима
Уже паки воссияли.
Се восходит на трон света,
Коего любезно имя
Целый век за честь вменяли
Носить римские владыки.
Мудрец истинный, украшен
Добродетели чертами,
И порока ни едина.
Антонин течение жизни
Посвящал народну благу:
Гражданин, не царь, во граде,
Се отец благий не титлом,
Коим красились венчанны
И злодеи и юроды,
Но отец он истым делом.
Ах, тот мог ли быть превратен,
Кто несчастьем ужасным
Почитал, когда бы быть мог
Ненавидимым во Риме;
Собственность кто презирая,
Расточал свое богатство,
Что наследил, соблюдая
Он сокровища народны?
«Нет, Фавстина, – он вещает, –
Я, владыкою став Рима,
Собственности всей лишился».
Он уснул, и Рим восплакал,

И Антонин мог забвен быть
Тем лишь, избрал что на царство
По себе в Рим Марк Аврелья.
Имя сладостно и славно!
Се премудрость восседает
На престоле цела света.
Но он смертный был. Блаженство
Рима вянет с Марк Аврельем;
И столетия с стремленьем
Протекли за ним уж многи;
Но на поприще обширном,
На ристалище вселенной
Всяка слава и блистанье
Всех царей, владык прешедших
Перед ним суть разве слабый
Блеск светильника, горяща
В полдень ясный, в свете солнца;
Перед ним вся лучезарность
Подвигов в сверканьи славы
Суть лишь мрак, и тьма, и тени.
Когда взор наш изумленный
Обращаем на владыку
На всесильного, который
Столь смирен был во порфире,
То во внутренности духа
Мы таинственно веселье
Ощущаем, и не можно
Без сердечна умиленья
Вспомнить жизнь его премудру.
Слеза радости исступит,
Сердце, в радости омывшись,
Вострепещет, утешаясь.
Но.. смолчим, в душе сокроем,
Ах, всю скорбь и тяжело чувство,

Что по сладости во сердце,
Вспоминая Марк Аврелья,
Восстает и жмет в нас душу.
Нет, не жди, чтоб мы дерзнули
Начертать его течение.
Всё, что скажем, будет слабо
И сравниться не возможет
С той чертой предвечна света,
Чем его живописала
Всех веков и всех народов
Образ дивный благодарность.
Его жизни описание
Действо то вливает в душу,
Что изящнее возникнут
О себе самих в нас мысли
И равно изящны мысли
О превратном смертных роде.
Но надолго ли? – О участь,
Участь горька рода смертных!
Марк Аврелий уж скончался,
Счастье Рима с ним исчезло
И благие помышленья
О блаженстве рода смертных.
Се торжественно и тихо,
Спровождается всех воплем,
Шествие его кончины
Отправлялося во Риме;
Но шаг каждый препинаем
Был слезами иль восторгом
Всего римского народа:
«Се наш друг – ах, паче друга,
Се родитель, се кормилец, –
Се отец, – се бог всещедрый...»
Скорбно в слухи ударяли

Песнь историческая. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru

Словеса сии нельстивы

Того, кто вменит за тягость

Все благие помышленья.

И се во броне одеян

Коммод грозно потрясает

Копием, и всё умолкло.

Шествие идет в молчаньи.

Ах, тогда уже познали,

Что сокрылося во гробе

Счастье Рима с Марк Аврельем.

1795–1796 (?)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://radischevalalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!